

стираться. Жизнь на сцене подменена набором более или менее искусно замаскированных штампов. Обаяние образа тускнеет и гаснет.

А. Лебедев изображает некую абстрактную фигуру директора, не раскрывая индивидуальных свойств директора Степанова. Того самого Степанова, который переживает гибель жены, болезнь ребенка и множество других душевных тревог. И здесь серьезный упрек нужно сделать постановщику спектакля И. Кулага. Почему не подсказал он актеру, как найти верную линию поведения в наиболее ответственных эпизодах спектакля?

Вот хотя бы сцена прощания Степанова с женой перед ее отъездом на фронт. Актер скован в движениях, его «директорские» жесты здесь уже явно неприменимы, а другие действия в этом эпизоде не продуманы, не найдены. И в результате — ощущение равнодушия, словно Степанову безразличен отъезд самого близкого человека.

Обидный просчет! И таких просчетов немало.

А ведь режиссер И. Кулага умеет вдумчиво работать с актерами. В том же спектакле «Директор» это выясняется на ряде примеров. Мы видели двух исполнительниц роли Мальцевой: опытную актрису К. Дмитриеву и совсем молодую, только в прошлом году окончившую Башкирское театральное училище И. Чунтонову. Обе они воспроизводят характеры, одинаково правдивые в своей основе, хотя и совершенно не схожие в частности.

Дмитриева играет женщину более строгую, как видно, уже немало пережившую. Жизнь помогла ей выработать идеал мужчины, которого она может полюбить крепко и навсегда. Большое и строгое чувство ее к Степанову родилось потому, что именно в этом человеке она увидела реальное воплощение своего идеала.

По-иному трактует Мальцеву Чунтонова. Ее Мальцева — это еще молодая и малоопытная в житейских делах женщина. Чувства ее к Степанову рождаются стихийно, из почти девичьего восхищения этим замечательным человеком.

Но сцена, в которой Мальцева признается Степанову в своей любви, звучит в обоих случаях неубедительно. На этот раз опять-таки сказывается неудача решения центрального образа спектакля.

Поведение Лебедева — Степанова в этом куске не продумано режиссером и исполнителем, не видна реально осознанная задача. Лебедев пытается как-то помочь актрисе начать этот необычный разговор, но идет о по ложному пути, вкладывая в фразу «Вам мне нравится... Вы мне очень нравитесь» прямой и потому неверный смысл. А почему? Да опять-таки по той причине, что это — проторенный путь; правда, путь, не требующий мучительных поисков, но и не сулящий творческих озарений.

Подобные озарения, приносящие художнику истинную радость, почти не присутствуют в этом спектакле. Есть образы и сцены, решенные грамотно или же вызывающие возражения. Но нет главного — общего ощущения волнующей правды, без которой немислимо раскрытие жизни советского человека и показ его славных дел.

В последней работе — постановке пьесы бр. Тур и И. Пырьева «Семья Лутониных» (режиссер И. Глушарин) — видно стремление коллектива уйти от надоевших трафаретов, от скольжения по поверхности. Жаль, что эта слабая пьеса не позволила спектаклю зазвучать полным голосом. Очень часто бытовые подробности, охотно подхваченные актерами, подменяют подлинную психологическую глубину. Только отдельные исполнители частично сумели преодолеть недостатки пьесы.

В первую очередь это относится к образу Егора Кузьмича Лутонина. В старике Лутонине (Ф. Крашенинников) можно признать того представителя русского рабочего класса, который участвовал в завоевании советской власти, строил социализм, а теперь помогает возводить здание коммунизма (да еще собирается и пожить в этом светлом коммунистическом доме). Высокое чувство ответственности за каждого члена своей семьи, за его судьбу, неразрывно связанную с судьбой всего народа, — такова ведущая мысль, которую несет актер.

Старику нелегко направить каждого на верный путь, не всегда может он до конца понять сложный душевный мир своих дочерей. Но любовь к людям и верное партийное чутье не обманывают его. Актер с первых же упоминаний о Варенцове подчеркивает свое недоверие к нему, внутреннее сопротивление, мешающее воспринимать его как будущего члена семьи Лутониных.